

В краткий период совместного княжения Ярославичи сочли нужным, вероятно, только отредактировать сложившийся судебник, устранив из него право кровной мести, а «ино все, яко же Ярослав судил, такоже и сынове его уставиша». Смысл этой фразы становится ясным, если считать всю КП сложившейся в княжение Ярослава, а не только статьи 1—18, которые им пришлось бы значительно дополнить.

Г. М. ПРОХОРОВ

ЦЕНТРАЛЬНОРУССКОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

(Анализ Рогожского летописца и общие соображения) *

Из летописных памятников самым богатым авторитетной информацией о центральнорусских землях XIV в. является Рогожский летописец (его текст доходит до 1412 г., список датируется временем около середины XV в.).¹ Но с ним связано немало загадок. Каково его отношение к близкородственным ему Троицкой (сгоревшей) летописи начала XV в. и Симеоновской XVI в.? Какого происхождения его большой избыточный по сравнению с этими летописями материал? Целиком относить его, вслед за А. Н. Насоновым,² к не дошедшему до нас тверскому своду кажется неоп-

---

ственно-политические отношения... с. 154—158). Покоу вирному посвящена значительная литература (см. Правда Русская, т. II, с. 223—234), в которой обсуждались его содержание, назначение и происхождение, причем слова Покона «то ти урок Ярославль» принимались как указание времени написания. М. Н. Тихомиров, сделавший ряд ценных наблюдений над Поконом, относил его ко времени более позднему. Однако все аргументы, приведенные исследователем в пользу датировки Покона XI—XII вв. (соблюдение постов, церковная лексика, сбор с определенной территории, указание вевериц), по нашему мнению, могут относиться и к первой половине XI в. Поэтому предположение М. Н. Тихомирова, как представляется, осталось недоказанным.

* Предлагаемая вниманию читателя статья продолжает исследование, начатое в работе: Прохоров Г. М. Избыточные материалы Рогожского летописца. — Вспомогат. истор. дисциплины, VIII. Л., 1976, с. 185—203.

¹ См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пгр., 1922.

² См.: Насонов А. Н. 1) Летописные своды Тверского княжества. — ДАН СССР, 1926, ноябрь—декабрь, 1927; 2) Летописные памятники Тверского княжества. — Изв. АН СССР, Отд. гуман. наук, 1930, № 9; 3) О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — Археограф. ежегодник за 1957 г., 1958.

равданным.³ Коль скоро эти загадки остаются нерешенными, загадочной остается и картина центральнорусского летописания в целом.

В Троицкой летописи под 6900 (1392) г. упоминался как существующий, доходящий «до сего князя нынѣшняго», ниоткуда больше неизвестный «Лѣтописец Великий Русьский».⁴ Анализ данных этой отсылки привел нас к Рогожскому летописцу.⁵ Надлежит, стало быть, и с этой точки зрения внимательно присмотреться к Рогожскому летописцу: возможно ли видеть в нем отражение «Летописца Великого Русского», и если да, то в какой мере искаженное или чистое?

1. Анализ Рогожского летописца (далее — Рог.) удобней начать с конца, чтобы «погружаться» в его текст, снимая слой за слоем позднейшие редакторские напластования или в спорных случаях отдавая себе отчет в их возможности.

На 6920 (1412) г., где завершается Рог., кончается один из источников Симеоновской летописи (далее — Сим.): в дальнейшем Сим. прибегает к своду 1479 г., начиная заимствование оттуда со статьи 6918 (1410) г., так что 6918—6920 (1410—1412) гг. повторяются в Сим.

Двадцатью годами выше, около 6898—6900 (1390—1392) гг., кончается совпадение Рог., Сим. и Троицкой летописи (далее — Тр.); Тр. после этого рубежа не меняет своего характера,⁶ а Рог. и Сим. становятся отрывочно краткими. Объем тверских и кашинских известий в этом последнем общем изложении Рог. и Сим. сравнительно велик. Вместе с М. Д. Приселковым мы можем предположить, что эти две летописи передают тверскую обработку Тр.,⁷ или же вместе с А. Н. Насоновым, что тверская обработка Тр. дошла здесь до нас в кашинской редакции.⁸

М. Д. Приселков полагает, что Рог. передает общий с Сим. протограф сокращенно (хотя и лучше по чтениям); «особенно это жаль, — пишет он, — в отношении совсем опущенных 1401—1409 годов».⁹ Стоит заметить, что как раз это место в Сим. занимает очередная вставка из свода 1479 г. (предшествующие вставки

³ См.: Прохоров Г. М. Избыточные материалы Рогожского летописца, с. 185—203.

⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского, т. V. СПб., 1892, прим. 148.

⁵ См.: Прохоров Г. М. «Лѣтописец Великий Русьский». Анализ его упоминания в Троицкой летописи. — Летописи и хроники. Сборник статей 1976 г. М., 1976, с. 67—77.

⁶ См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940, с. 115.

⁸ Насонов А. Н. Летописные своды Тверского княжества, с. 128.

⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115.

находятся под 1235—1237, 1239—1247 и 1361—1364 гг.);¹⁰ она начинается в статье 6909 (1401) г. словами «В то же лѣто изобретены быша страсти Господа нашего...», а кончается в статье 6917 (1409) г. словами «... прилучивъшаяся ради скорби в Руси, грѣх ради наших, занеже изначала...». По-видимому, общий протограф Рог. и Сим. имел в этом месте пропуск.

В чем же состояла отраженная в Рог. и Сим. обработка Тр., «весьма решительно и глубоко коснувшаяся ее изложения 1390—1408 гг.»?¹¹ Речь может идти, очевидно, только о выборке из Тр., пополненной тверским и кашинским материалом, — выборке в части до 1401 г., ибо общность Рог. и Сим. с Тр. кончается на статье 6908 (1400) г.¹² Дальше в протографе Рог. и Сим., судя по обоим этим летописям, шел пропуск девяти лет (1401—1409). Сама Тр. кончается статьей 6918 (1408) г., так что общие записи Рог. и Сим. за 6918—6920 (1410—1412) гг. нельзя отнести к Тр. Осторожней и точней говорить поэтому о протографе Рог. и Сим. более общо — как об обработке *центральнорусской*, а не Троицкой именно летописи.

Где была сделана эта обработка? Как мы уже сказали, она дополнена тверским (или тверским и кашинским) материалом. О соединении разных источников свидетельствует факт повторения в Рог. и Сим. статьи 6907 (1399) г., причем если первую из этих статей можно признать выборкой из Тр., то вторая имеет как будто явно тверское происхождение (более полный рассказ об обновлении церкви в Твери, иная версия повествования о кончине великого князя Михаила Александровича); под 6908 (1400) г. дважды сообщается о вокняжении в Твери Ивана Михайловича. Это заставляет думать о Твери как о месте обработки. Но в таком случае странно, что тверских известий в пределах общего с Тр. материала в Рог. и Сим. меньше, чем в самой Тр. Так, под 6902 (1394) г. нет сообщения об укреплении князем Михаилом Александровичем Твери, под 6903 (1395) г. — известий о пожаре тверского Нового Городка на Волге и о смерти княгини, жены Ивана Всеволодовича Тверского, под 6904 (1396) г. — о смерти и похоронах в Твери жены Василия Михайловича, дочери Владимира Ольгердовича Киевского, под 6905 (1397) г. — об отъезде Ивана Всеволодовича из Твери в Москву на службу к князю Василию Дмитриевичу и о поездке Ивана Михайловича Тверского в Литву к Витовту, под 6906 (1398) г. — об отъезде в Царьград из Твери протопопа Даниила с милостыней, под 6907 (1399) г. — о мире Ивана Всеволодовича и Ивана Михайловича Тверских, под

¹⁰ Шахматов А. А. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в. СПб., 1910, с. 103.

¹¹ Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 115.

¹² Последнее общее известие — о вокняжении Юрия Святославича — находится в статье 6909 (1401) г. Тр.

6908 (1400) г. — о посольстве Ивана Михайловича в Орду.¹³ Тверская обработка Тр. должна была бы, я думаю, превосходить Тр., а не уступать ей количеством тверской информации.

Под 6917 (1409) г., следующим непосредственно за 6909 (1401) г., в Рог. и Сим. помещается Повесть о нашествии Едигея. Ничто не говорит о какой-либо связи ее автора с Тверью, так что думать о тверском ее происхождении причин нет; сфера осведомленности автора этой повести, его независимая политическая позиция побуждают скорее присоединиться к мнению А. А. Шахматова о нем как о человеке из митрополичьего окружения.¹⁴

Под 6918—6920 (1410—1412) гг. тверские известия в общем тексте Рог. и Сим. (6918 г. — о смерти тверского владыки Арсения, 6919 г. — о пожаловании князя Ивана Михайловича, приезде в Тверь митрополита Фотия и поставлении епископа Антония, 6920 г. — о смерти великой княгини Овдотьи, жены Ивана Михайловича Тверского) не превосходят числом прочие — московские, владимирские, нижегородские и др. (6918 г. — об отъезде Свидригайла Ольгердовича из Москвы в Литву и взятии им Серпухова, о приходе на Русь митрополита Фотия, о преставлении Владимира Андреевича, о взятии нижегородскими князьями с татарами Владимира, о бое Ягайла и Витовта с немцами, о смерти князя Ивана Васильевича и о поражении Петра Дмитриевича Московского нижегородскими князьями).

Против Твери как месте последней редакции общего протографа Рог. и Сим. говорит и тот факт, что невозможным, на мой взгляд, для тверской летописи образом написано здесь об отношении Ивана Михайловича Тверского к матери и братьям, когда после смерти отца он стал великим князем; я имею в виду довольно подробный рассказ под 6908 и 6909 (1400 и 1401) гг. о конфликте Ивана Михайловича с Василием Кашинским, начинающийся словами: «Князь Иван Михайлович после отца своего съѣд на княжение на великое на Тферьское... и захотеша свою братию обидети...». Летописец — автор этого рассказа — следит за Василием Кашинским и его семейством с сочувствием и симпатией, следит

¹³ Из всех этих сообщений только 4 (6903 г. — о смерти жены Ивана Всеволодича, 6904 г. — о смерти жены Василия Михайловича, 6905 г. — о поездке Ивана Михайловича в Литву и 6907 г. — о мире Ивана Всеволодича и Ивана Михайловича) реконструируются для Тр. М. Д. Приселковым путем умозаключений, все остальные содержатся в несомненных выписках Карамзина из Тр.

¹⁴ См.: Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 9, с. 171—172. — Я. С. Лурье (Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 54) видит свидетельство особого интереса автора к тверским землям во фразе «Тферьскаго на столования дому святаго Спаса... а иных в плѣп поведоша», но эта фраза вместе со следующей («На то же лѣто дороговъ бысть... а житопродавци обогатѣша») не относится к тексту Повести, а явно разрывает его (см.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1, стб. 185). Сам же факт этой вставки свидетельствует только о близости последнего редактора летописи к г. Твери.

с гораздо более близкого расстояния, чем за Иваном Михайловичем Тверским (например, под 6908 г. читаем: «Князь же Василей, пришед ко своей матери, к великой княгинѣ Овдотии, и сказаше ей...»; под 6909 г.: «...и родися сын у его княгини Настасии за неделю до Покрова, и приеха княгини великаа к своему сыну, ко князю Василию, а из Сергиева монастыря приеха честный мужь игумен Никон...»). Примечательно и то, что летописец не называет Василия Михайловича *Кашиным* — это как бы само собой разумеется, а Ивана Михайловича называет Тверским.

Я вижу, таким образом, больше оснований для отнесения второго, «тверского», источника протографа Рог. и Сим. к Кашину, нежели к Твери. Что же касается первого источника, выборки из центральнонорусской летописи, то и ее, я думаю, возможно признать кашинской. Принадлежит к великому княжению Тверскому и к тверской епископии, кашинские князья колебались между Тверью и Москвой, находя в Москве опору при конфликтах со своими родственниками-сюзеренами — тверскими правителями: соединение кашинских по содержанию и оценкам записей с выборочным тверским и московско-владимирским летописным материалом наиболее естественно именно для Кашина. Я присоединяюсь, стало быть, к мнению А. Н. Насонова; у меня нет только уверенности, что между центральнонорусской летописью и ее кашинской обработкой лежит тверская ее редакция.

Теперь, маркировав верхний слой Рог. как кашинский, перейдем к более «глубоким» его пластам, отдавая, конечно, себе отчет в том, что рука кашинского редактора могла оставить свой след и там.

2. Сливив Сим. с выписками Карамзина из Тр., А. А. Шахматов заметил, что «*в части до 1390 г. ... весь текст Симеоновского летописца восходит к Троицкой летописи или к ее протографу*»¹⁵ (курсив Шахматова), что «обе летописи тождественны до 1390 г. включительно», и это наблюдение дало ему «основание говорить о Киприановской редакции общерусского свода».¹⁶ Характеризуя этот Киприанов свод, свод митрополита Киприана, А. А. Шахматов называет его общерусским и митрополичьим и в то же время говорит, что «свод 1390 г. был по характеру своему московским», великокняжеским, доведенным до великого князя Василия Дмитриевича.¹⁷

М. Д. Приселков трактует мысль А. А. Шахматова следующим образом: «А. А. Шахматов склонялся к возможности допустить существование общерусского митрополичьего свода конца XIV в., составленного при дворе митрополита Киприана, но тотчас же переработанного в московский княжеский свод 1390 г. и позднее

¹⁵ Шахматов А. А. Симеоновская летопись XVI в. и Троицкая начала XV в., с. 67, также с. 103.

¹⁶ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV вв. — ЖМНП, 1900, № 11, с. 151.

¹⁷ Там же, с. 196—197.

дополненного рассказом о московских событиях до 1408 г. включительно».¹⁸ Троицкую летопись, пишет М. Д. Приселков, А. А. Шахматов считал «Московским княжеским сводом, положившим в свое основание Московский же свод 1390 г., в свою очередь поглотивший общерусский свод митрополита Киприана, доведивший свое изложение до 1390 г.».¹⁹

Сам М. Д. Приселков заметил, что число общерусских известий в Троицкой летописи после 1390 г. «совершенно сливается с характером текста от 1390 до 1408 г. с предшествующим ему текстом до 1390 г.»; следовательно, «работа над летописанием, не прекращаясь в 1390 г., шла до самой смерти митрополита Киприана и «Троицкая летопись не только являлась общерусским сводом и после 1390 г., каким она была до этого года, но и ясно свидетельствует нам о том, что и в этой последней своей части (1390—1408) она была летописью митрополичей».²⁰ И М. Д. Приселков сделал вывод, «совершенно обратный тому положению, которое высказывал А. А. Шахматов, т. е. что не московская княжеская летопись поглотила свод митрополита Киприана. . . , а этот общерусский митрополичий свод 1409 г. имел в числе своих источников московскую великокняжескую летопись».²¹

Подробней эту московскую летопись М. Д. Приселков охарактеризовал как единую великокняжеско-митрополичью, общую для московских князей и митрополитов, и датировал ее окончание несколько иначе, чем А. А. Шахматов, — не 1390, а 1389 г. — годом смерти Дмитрия Донского.²² К этой-то московской летописи 1389 г. М. Д. Приселков и относил название «Летописец Великий Русский». Следующим за ним по времени этапом была, по его мнению, только Тр. — общерусский митрополичий свод 1409 г.

Разница в выводах А. А. Шахматова и М. Д. Приселкова коренится в различии путей их исследования: А. А. Шахматов пришел к своей характеристике и датировке свода от сличения Сим. и Тр., а М. Д. Приселков — от внутреннего анализа их общего текста.

После них к этой же проблеме обратился В. Л. Комарович. Вновь сличив Сим. и Тр., он уточнил наблюдения А. А. Шахматова и высказал третью точку зрения на «прямой источник Троицкой»: «Где именно он оканчивался, обнаруживает сличение Троицкой с близким к ней текстом Симеоновской и Рогожской. Общий текст этих последних тождествен с Троицкой только в пределах до 1392 года включительно, дальше же отстает от нее

¹⁸ Приселков М. Д. Летописание XIV в. — В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922, с. 24.

¹⁹ Там же, с. 30.

²⁰ Там же, с. 31.

²¹ Там же, с. 32.

²² Приселков М. Д. История русского летописания XI—XV вв., с. 126.

в ряде случаев довольно далеко. 1392 год в последовательном сложении московской летописи был, следовательно, своего рода вехой или рубежом. Такой вывод подтверждается также тем, что под указанным годом во всех трех списках читается. Одно из последних известий, кончина преп. Сергия, в двух сохранившихся списках (Симеон. и Рог.) имеет в конце замыкавшее обычно летописные своды слово „Аминь“; в Троицкой же непосредственно отсюда начинается первое крупное ее отличие от двух других названных списков — „листах на двадцати“ (как свидетельствует Карамзин) Похвала св. Сергию. Известием о кончине св. Сергия оканчивался таким образом более старший, чем Троицкая, московский свод, — из числа московских наиболее, кажется, ранний». ²³

«У этого Свода. . . — пишет тот же исследователь, — есть одна разительная особенность. Будучи бесспорно Московским по месту написания и преобладающему в нем материалу, он не только содержит ряд известий тверских, суздальско-нижегородских, литовских, но сплошь и рядом даже и точки зрения придерживается не московской, а скорее тверской или даже литовской». ²⁴ Свод этот, делает вывод В. Л. Комарович, был митрополичьим, Киприановским: «Как раз такая тенденция отчетливо проходит через всю деятельность митрополита Киприана»; на самом деле здесь проявляется не тверская или литовская позиция, а «руководящий принцип церковного управления византийских патриархов Русью — нераздельность древней Киевской митрополии». С другой стороны, потому именно, «что был он митрополичьим, свод этот и мог располагать. . . сводами более старшей летописи новгородской, тверской и суздальско-нижегородской. Заимствований из них в своде 1392 г. немало. Но сосредоточение всех их в руках одного редактора едва ли в 1392 г. для кого-нибудь, кроме митрополита, было осуществимо». ²⁵

Обращаясь к летописям (мы находимся в несколько более выигрышном по сравнению с предшественниками положении, поскольку имеем в руках реконструированный М. Д. Приселков текст Тр.), мы видим, что сплошное совпадение Рог. и Сим. с Тр., действительно, кончается на 6900 (1392) г. По последним в этой общей трем летописям части текста является не известие о смерти Сергия Радонежского, как считал В. Л. Комарович, а следующее сообщение — о возвращении в Москву из Орды «посаженного Богом и царем» на отцовский престол великого князя Василия Дмитриевича. Расхождение начинается после

²³ Комарович В. Л. Древнерусское областное летописание XI и XV вв. и связанные с ним памятники письменности и фольклора. — Архив ИРЛИ, р. I, оп. 12, № 388, л. 252 (далее — Областное летописание).

²⁴ Там же, л. 254; История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 194.

²⁵ История русской литературы, т. II, ч. 1, с. 194—195.

конца статьи 6900 г. Рог. и Сим. и с середины статьи того же 6900 г. Тр.

На мнение А. А. Шахматова повлияли, я думаю, три излишних против Рог. и Сим. периода, находящихся до точки расхождения в статье этого года Тр. (статья предшествующего, 6899 г. в выписках Карамзина почти вовсе, за исключением одной фразы, не сохранилась; М. Д. Приселков восстанавливает эту статью по образцу Рог. и Сим.). Первый из этих периодов — о ссоре новгородцев с московским великим князем (начало статьи; как раз здесь и находится отсылка к «Летописцу Великому Русскому»), второй — о преставлениях и церковных поставлениях (от известия о смерти Ульяны Ольгердовны до известия о поставлении «Григорья архимандрита епископом на Коломну») и третий (на него обратил внимание и В. Л. Комарович) — те двадцать листов похвалы Сергию Радонежскому, которые Н. М. Карамзин не дал себе труда переписать, увидав в них лишь «набор слов, иногда забавный».

Обычно, пишет Д. С. Лихачев, «повествование о родной стране, княжестве, городе стремится закончиться в летописи каким-либо значительным событием: смертью одного князя и вокняжением другого, победой, присоединением другого княжества, появлением нового митрополита, получением титула и т. д. Это заканчивающее собой летопись событие остается действенным в летописи только до той поры, пока оно действительно в самой действительности. Затем летописное повествование получает продолжение до нового рубежа, который некоторое время снова кажется окончательным».²⁶ Торжественное возвращение в Москву Василия Дмитриевича, «посаженного Богом и царем» на своем княжении и получившего вдобавок от царя Тохтамыша Нижний Новгород («и бысть радость велика в градѣ Москвѣ о приездѣ его»), — естественный в этом смысле рубеж. После конца статьи 6900 (1392) г. Рог. и Сим. становятся кратки и отрывочны; Тр. же продолжается — продолжается и ее статья 6900 г. — как нормальная, полная московская летопись. Это позволяет думать, что первые два памятника отражают состояние московского летописания в торжественный момент возвращения из Орды в Москву великого князя Василия Дмитриевича, наступивший посреди 6900 (1392) г. (можно представить себе, что вскоре после этого список или списки летописи были куда-то увезены из Москвы и от одного из таких списков, попавшего в Кашин, и зависят Рог. и Сим.). А по Тр. видно, как пошла в Москве работа над летописанием после этого рубежа. Летопись была естественным образом продолжена с середины статьи 6900 г., а кроме того, и первая половина этой статьи пополнилась тремя вставками, о которых мы уже говорили.

²⁶ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 264.

В пользу существования «свода 1392 г.» может свидетельствовать также, во-первых, окончание на статье 6897 (1389) г. сходства с Тр. сокращенного Владимирского летописца,²⁷ а во-вторых, окончание одного из вспомогательных источников второй летописной подборки Карамзинского списка (НК₂).²⁸

Между Рог. и Сим. есть существенная разница в содержании, бросающаяся в глаза сразу, как только мы в нашем хронологическом «углублении» в летопись переходим границу 6883 (1375) г. Прежде чем перейти эту границу, мы должны рассмотреть общий трем родственным летописям материал за 6883—6900 (1375—1392) гг.

3. С середины статьи 6883 (1375) г. (от заголовка «О Костромском взятии») до середины статьи 6900 (1392) г., о которой мы уже говорили, Рог., Сим. и, насколько мы можем судить, Тр. содержат тождественный текст. Это изложение, в том виде, в каком оно дошло до нас, носит явные следы прикосновения митрополита Киприана. Это хорошо понятно, ибо как раз эти годы были временем борьбы Киприана за свои митрополичьи права, поэтому записи этих лет должны были его особенным образом интересовать.

К «Киприановскому слою» мы можем отнести, во-первых, торжествующий и поучающий комментарий, сопровождающий известие о смерти Киприанова соперника — Митяя, в статье 6887 (1379) г. — от слов «Се же преславно явление показа Бог неизреченными его судьбами» до слов «и услыша Бог скорбь людей своих: не изволи быти ему пастуху и митрополиту на Руси». Главная мысль комментария выражена фразой пророка: «Добро есть надѣяться на Бога, нежели надѣяться на князь» (Митяй, как известно, был ставленником князя Дмитрия). Во-вторых, и сама Повесть о Митяе (под 6885 (1377) г.) могла быть вставлена в летопись, конечно, лишь при Киприане, под его влиянием. И ее текст, я считаю, коснулся сам Киприан.²⁹ В-третьих, к Киприану же можно отнести рассказ в статье 6900 (1392) г. о захвате с татарской помощью великим князем Василием Дмитриевичем Нижнего Новгорода. Этот рассказ написан в такой тональности, какую, я думаю, мог допустить в московскую летопись только сам митрополит с его «надкняжеских» всероссийских позиций. Например: «... сложи князь великий Василей Дмитриевичъ цѣлование крестное князю великому Борису Костянтиновичю и поиде в Орду к царю Тактамышу и нача просити Новагорода Нижняго, княжения князя великаго Борисова на кровопролитье,

²⁷ См.: Муравьева Л. Л. Об общерусском источнике Владимирского летописца. — Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974, с. 148—149.

²⁸ См.: Прохоров Г. М. Летописные подборки рукописи ГПБ, Ф. IV. 603 и проблема сводного общерусского летописания. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1977, с. 181—182.

²⁹ См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

на погибель христианскую. . . и взя Нижний Повъград златом и серебром, а не правдою. Яко же рече писание: безумнаго очи — конец вселепя. . . безбожных же татар, чтив и дарив, отпусти в Орду, сам же возвратися въсвоеси на Москву». Возможно, что этот рассказ был вставлен при последней редакторской обработке летописи в Кашине. О том, что этот осуждающий захватничество Василия Дмитриевича рассказ является вставкой в уже написанный текст летописи, свидетельствует тот факт, что в этой статье 6900 г. находятся два сообщения о возвращении Василия Дмитриевича из Орды и о присоединении им к своим владениям Нижнего Новгорода. О втором, официально-торжественном, мы уже говорили как о завершающем общую часть трех летописей.

Присутствию Киприана, конечно, обязана летопись записями о его прибытии «на свою митрополию» в Москву (6898 (1390) г.), о его поездках в Тверь (там же) и в Новгород (6899 (1391) г.). Причем довольно подробный рассказ о поездке в Тверь и замене там епископа Евфимия Арсением (от слов «Того же лѣта позвай бысть Киприан митрополит на Тѣрь» до слов «и посадиша его в святѣм Спасѣ на столѣ честно») продублирован в конце статьи следующего года краткой информативной записью («Того же лѣта Киприан митрополит приеха на Тѣрь о Спасовѣ дни и постави Арсения епископом Тѣри граду»), подобно тому как продублирован рассказ о захвате Нижнего Новгорода. По-видимому, и этот подробный рассказ был внесен в летопись позже краткой записи.

Известие о поездке митрополита Киприана в Новгород ясно обнаруживает именно митрополичий взгляд на вещи: случившийся в Новгороде после конфликта митрополита с новгородцами мор объяснен здесь как казнь божия новгородцам за непослушание своему духовному владыке: «Яко же рече пророк: аще не покоряться людие, не послушаютъ стража, отрекше учителя, кровь их на главѣ их, а стражъ душу свою избавилъ есть от муки. Так людем повѣда и рече Бог».

Под влиянием Киприана, вероятно, появилась в летописи и лестная характеристика Ольгерда под 6885 (1377) г. (от слов «Во всей же братии своей Ольгерд превзыде властною и саном» до слов «но ни отецъ его, ни дед его тако прослыл»): власть Киприана распространялась ведь и на литовско-русские земли. И наконец, к Киприану же предположительно можно отнести горько ироническую фразу под 6890 (1382) г. о бегстве из Москвы Дмитрия Донского при нашествии Тохтамыша (если только мы не обманываемся насчет заключенной в ней пасмешки): «Князь же великий Дмитрей Ивановичь, то слышав, что сам царь идет на него с всею силою своею, не ста на бой противу его, ни подниа руки противу царя, но поеха в свой град на Кострому».

За счет «свода 1392 г.», полагает В. Л. Комарович, можно отнести указание на князя Василия Дмитриевича «в статье под 1378 г. о кончине митрополита Алексия: при перечислении про-

вожавших митрополита князей о Василии Дмитриевиче сказано: „князь же Василей... еще тогда младо детище сый“, откуда видно, что составлена статья уже в бытность Василия взрослым». Еще одно «указание на руку редактора 1392 г.» В. Л. Комарович видит «в статье под 1374 г. о Высоковском монастыре в Серпухове». Оно, на его взгляд, «позволяет заодно определить, кто таков был этот редактор. Что статья написана не ранее кончины преп. Сергия — видно из присвоенного ему агиографического эпитета „святой“, до смерти никогда никому не присваивавшегося; столь же показательны сообщаемые далее подробности об основателе Серпуховского монастыря, ученике Сергия, игумене Афанасии: его биография тоже тут далеко переступает пределы выделенного над статьей года; в игуменстве он пробыл, как там сказано, „несколько лет“, „таче потом Бога ради“, читаем дальше, „оставле игуменство и прииде в Царьград и купи себе келью, дал андрофат, и тамо в старости преставися“ (Троицкая). Знать такие подробности об Афанасии и, главное, сообщать о них в таком сочувственном тоне мог только митрополит Киприан. В годы церковной смуты при Дмитрие Донском Афанасий был одним из главных сторонников Киприана... покинул Серпуховский свой монастырь и последовал за Киприаном сам, после вторичного его изгнания тем же великим князем — в 1382 г., — как отмечают под указанным годом те же Троицкая, Симеоновская и Рогожская. Вот этот-то отъезд Афанасия в свите изгнанного вторично Киприана статья 1374 г. и подразумевает, говоря: „таче потом Бога ради оставле игуменство и прииде в Царьгород“. „Бога ради“ здесь, как видим, означает преданность Киприану».³⁰

Итак, мы подошли к рубежу 6883 (1375) г. и даже вместе с В. Л. Комаровичем перешли его. За этим рубежом, т. е. до этого года, Рог. в изложении событий XIV в. значительно превышает по содержанию Сим. и Тр., являя собой соединение текста общего с этими летописями и другого различного по содержанию летописного материала. Для нашего анализа удобней будет, если мы теперь изменим порядок следования по тексту и подойдем к этому рубежу с другой стороны, идя от начала Рог.

4. В своей начальной части Рог. выборочен и краток. Начинается он вытяжкой из памятника хронографического типа, повествующей о сотворении мира и разделении языков. Затем идет сплав выборки из Новгородской IV летописи (далее — НIV) и центрально-русской летописи типа Лаврентьевской, Радзвильевской, Тр. и Сим. Замыкает этот сплав первое сообщение 6796 (1286) г., взятое из центрально-русской летописи. За его вычетом, со статьи 6793 (1285) г. до начала статьи 6836 (1328) г. (до слов «тряслася земля в Новгороде в Великом») в Рог. идет текст, практически полностью тождественный соответствующему тексту Тверского летописного сборника (далее — Тв. сб.).

³⁰ Комарович В. Л. Древнерусское областное летописание... с. 252—254.

Некоторое увеличение размера погодных статей происходит в районе сообщения о татарском завоевании Руси. Решительно же изложение Рог. перестает быть кратким на статье 6825 (1317) г.

Начиная со статьи 6836 (1328) г. текст, совпадающий с текстом Тв. сб., начинает перемежаться в Рог. иным материалом, преимущественно общим с Тр.—Сим. Сверх того, здесь обнаруживаются в большом количестве нигде больше не находимые «избытки», весьма различные по содержанию: кашинские, тверские, нижегородско-суздальские, ростовские, смоленские, литовские, новгородские, ордынские, московские и пр. Специальный их анализ привел меня к выводу, что относить их все или даже в большей части к не дошедшему до нас тверскому летописному своду (см. прим. 2) мы не имеем права. Исторически рубеж 6836 (1328) г., на котором оканчивается сплошное совпадение Тв. сб. и Рог. и общерусский характер изложения в Тв. сб. заметно меняется на местный, тверской, хорошо понятен: в это именно время великое княжение Владимирское, или «всея Руси», переходит из рук тверских князей в руки московских. Тверь отныне поневоле становится «провинциальным» великим княжеством. Таковой становится и ее летопись (см. прим. 3). Очаги летописания возникают и в других провинциальных центрах — в Кашине, Нижнем Новгороде и, возможно, в других городах. Но 1375 г. для всех этих летописаний оказался роковым рубежом. В том году они были собраны и оборваны, некоторые — навсегда. Как это могло произойти?

5. Из одной из «добавок» Рог. мы знаем, что в 1374 г. московский великий князь Дмитрий Иванович начал «розмирие с тотары и с Мамаем». Естественно, что Москва в тот момент была особенно заинтересована в поддержке другими русскими политическими центрами. Перед розмирием возникло нечто вроде конфедерации Московского, Нижегородского, Тверского и Литовского великих княжеств. Но в 1375 г. татарская дипломатия добилась того, что вспыхнула война внутри самой конфедерации. Летом 1375 г. тверской князь на краткий миг мог вновь почувствовать себя великим князем Владимирским: в июле 1375 г. из Орды от Мамаю в Тверь великому князю Михаилу Александровичу был привезен ярлык на Владимирское княжение, и тот, «ни мала не пождав, того дни послал на Москву ко князю к великому Дмитрию Ивановичу, целование крестное сложил, а наместники послал в Торжек, и на Угличе поле ратию» (Рог., 6883 г.). Так началась эта несчастная для Твери война 1375 г. Очень скоро изменница-Тверь была осаждена московскими и объединенными вокруг Москвы многочисленными великорусскими силами, в том числе и новгородскими, реальная помощь от Литвы и от татар, на которых рассчитывал Михаил Александрович, не пришла, и 3 сентября 1375 г., «не хотя видети разорения граду», князь Михаил капитулировал. Вслед за тем Михаил Александрович вынужден был под-

писать договор о ненападении и взаимопомощи великорусских князей в борьбе с татарами и Литвой.³¹ Этот договор справедливо был охарактеризован А. Н. Пресняковым как «крупный шаг в деле территориально-политического самоопределения Велико-россии».³² Возникающей политической системе естественно было получить отражение в летописании — наиболее политическом из литературных жанров Древней Руси, отражение прежде всего в составе летописи. Москва 1375 г. имеет, конечно, неизмеримо больше, чем Тверь того же времени, оснований быть признанной местом создания широкого летописного свода. Как мы знаем, «политическое значение князя определяло содержание и характер летописи».³³ Можно представить, что как сама Тверь насильно была включена в великорусскую политическую систему княжеств, так и ее летопись — признак относительной самостоятельности политического образования — в качестве трофея была увезена в Москву и включена в великорусский свод. После катастрофы 1375 г. должны были пройти годы, прежде чем тверское летописание вновь начало подавать какие-то признаки жизни: спустя семь лет, под 1382 г., обнаруживаем (в Тв. сб.) первую оригинальную тверскую заметку — «Позолотил князь великий Михаил верх у святого Спаса в Твери», и лишь еще три года спустя, со статьи 6893 (1385) г., подобные заметки начинают более или менее регулярно повторяться. По-настоящему тверское летописание оживает только в 90-х годах.

Противоречием такому пониманию дела представляется наличие в числе «избытков» Рог. в части до 1375 г. резких антимосковских высказываний.

Под 6875 (1367) г. к словам «Того же лѣта на Москвѣ почали ставити город камен» приписано (по сравнению с Сим.) «надеяся на свою на великую силу, князи Русьскыи начаша приводити в свою волю, а который почал не повиповатися их волѣ, на тых почали посягати злобою. Тако же бышетъ посяжеши их на князя на великаго на Михаила Александровича, а князь Михайло того ради поехал в Литву». Здесь же далее говорится, что «ратъ Московьскаа и Волочане... велику изгыбель сотворили христианом».

Под следующим, 6876 (1368) г. к словам «Того же лѣта князь великий Дмитрей Ивановичь да Олексѣй митрополит позвали князя великого Михаила Александровича на Москву любовию» добавлено «по целованию» (перед словом «любовию»). И далее: «а съдумав на него съвѣт зол. Князь же великий Михайло, положе упование на Бога и на крестное целование приехав к ним на Москву, и они черес цѣлование яша и, да дрѣжали в ыстоте,

³¹ См.: Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, № 9, с. 26—27.

³² Пресняков А. П. Образование Велико-русского государства. Очерки по истории XIII—XIV столетий. Пгр., 1920, с. 306.

³³ Шахматов А. А. Критический отзыв об «Обзрении летописных сводов Руси северо-восточной» И. А. Тихомирова. СПб., 1899, с. 6.

и Городок отняли и часть отчины княжи Семеновы»; далее: «Бог же показа силу крестную: в то время прииде к ним Чарык из Орды, тем избави его Бог, князя Михаила, и не дождав Чарыка, опять покончив с ним, да отпустили его в Тферь».

Под 6878 (1370) г. рассказ о московско-тверском конфликте и о последовавшей за ним «другой Литовщинѣ» (втором походе Ольгерда на Москву) предварен сообщением: «Того же лѣта князь великий Михайло Александрович послал на Москву владыку любви крепити. Они же владыку отпустили с Москвы», далее общий с Сим. текст: «а ко князю великому Михайлу, послав, цѣлование сложили...», затем в числе «избытков»: «И от того дни тако и почали Москвичи и Волочане воевати Тферьскыя волости... и много зла сътворив христианом да възвратися назад».

Записи эти, возможно объективные, но объективно же протверские, оправдывающие Михаила Александровича Тверского и обвиняющие москвичей (в одном случае — не только великого князя Дмитрия Ивановича, но и митрополита Алексея), вряд ли, я думаю, могли быть включены в сводную летопись в Москве при великом князе Дмитрие Ивановиче и митрополите Алексее. Разве только добиваясь от побежденного Михаила Тверского признания своего главенства и прочного союза с ним на будущее, князь Дмитрий пошел на то, чтобы сводная летопись соединила оценки обеих сторон. А факт соединения противоположных оценок — свидетельство беспристрастной политической позиции летописца — здесь налицо: в, казалось бы, протверском рассказе о конфликте 1370 г. среди «избыточных» материалов Рог. следующий комментарий к сообщению о жалобах Михаила Тверского в Орде Мамаю на москвичей: «паче же всего възхотѣся ему самому княжения великаго». Но более вероятно, что резкие оценки действий московского князя попали в летопись все-таки без ведома этого князя. В таком случае мы должны либо допустить, что летописец, составитель свода, обладал какой-то автономией в своем деле, не был чрезмерно контролируем княжеской цензурой и готов был пойти на неприятности ради того, чтобы высказаться по-совести, либо должны отнести эти оценки к позднему, «верхнему» слою редакторских напластований, каковой вслед за А. Н. Насоновым мы склонились определить как кашинский 1412 г. В последнем случае мы должны признать, что Сим., в отличие от Рог., передает кашинскую обработку центральнорусской летописи не на всем ее протяжении, а лишь с 1392 г.

Некоторые добавочные сообщения Рог., касающиеся константинопольской патриархии, имеют выразительную церковно-политическую окраску: они выставляют патриарха Филофея (1353—1354, 1364—1376 гг.) в поразительно невыгодном для него свете. Так, о возведении его в патриархи говорится как о возмутившем людей и природу беззаконии. «Того же лѣта, — читаем мы в статье 6860 (1352) г., — бысть в Царѣгородѣ замятия: царя Ивана (имеется в виду Иоанн V Палеолог, — Г. П.) изгнаша из царства,

а на царство сѣдѣ тесть его, тысяцьскый отца его (подразумевается Иоанн VI Кантакузин, соправитель Иоанна V Палеолога, — *Г. II.*): «А царь Иван бѣжа в Селунь. И рече патриарх Калист к царю новому: „Не достоинъ ти быти царю и царствовати, согнал еси царя“. Он же не послуша его. Патриарх же Калист, помянув слово Спасово, иже рече к апостолам: „Идѣже слово ваше примут, ту пребывайте, а идѣже не примут, исходяще оттуду и прах от ног ваших оттрясѣте“, — и вѣстав, препоясав чрѣсла своя и обув нозѣ свои в сандалиа, и взем жезл свой, и изыде из Царяграда пѣшь, оставив патриаршество. И прииде в Солунь. Царь же новый иного постави на патриаршество именем Филофия, бывшаго епископа Ираклийскаго. И бысть грус велий в Царѣградѣ, 100 и 50 полат пало и иных множество двиглося, а по странам града из основанна извергошася». В статье 6862 (1354) г. без объяснения обстоятельств дела (патриарх Филофей поставил в русские митрополиты Алексея, а вернувшийся на престол Каллист — Романа) сказано о поставлении Алексея и Романа как о неслыханном патриаршем правонарушении: «Того же лѣта мятежь сотворишется, чего то не бывало преже сего: в Царѣгородѣ от патриарха поставленн быша два митрополита на всю Русскую землю — Алексѣй да Роман. И бышет межи их пелюбие велико и к Тферьскому епископу послы, к владыцѣ Феодору, от обою их из Царягорода, а священскому чину тягость бяшет вездѣ». Вследствие умолчания о возвращении на патриарший престол Каллиста компрометируется опять-таки Филофей. Эта тенденциозная вставка дублирует нейтральное известие (в статье следующего года), общее у Рог. с Сим.: «Того же лѣта Алексий владыка поставлен бысть митрополитом на всю Русскую землю, а на осень ту выиде из Царягорода». Еще далее, в статье 6864 (1356) г., в общий с Сим. текст, сделана вставка, свидетельствующая о подкупности патриархии (выделяю ее разрядкой): «Тое же осени Алекси митрополит всея Руси ходил в другие в Царьгород, да Роман преже его пришел...³⁴ и тамо межи их бысть спор велик и грѣцем от них дары великы. И милостию Божию и молитвами святыя Богородица тое же осени и море перешел и на Русь прииде». И наконец, в начале статьи следующего года помещена запись, из которой явствует, что митрополия всея Руси была поделена в Константинополе между Алексеем и Романом: «В лѣто 6865 прде Алекси митрополит из Царягорода на Русьскую землю, а Роман на Литовьскую и на Волыньскую».

Н. П. Лихачев относительно второго из приведенных сообщений (где говорится о посольствах в Тверь) замечает: «Связь митрополита Романа с Тверью дает объяснение всему известию,

³⁴ Опускаю вписанные не на месте слова «в то же лѣто бысть дѣждево», долженствующие находиться, как полагают издатели Рог., после слов «дары великы», т. е. после вставки. См.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. стлб. 65 и прим. 1.

которое, как естественно предполагать, и записано в Твери.³⁵ Роман был выходцем из Твери, и его тамошние пролитовски настроенные сторонники должны были быть очень недовольны промосковской политикой патриарха Филофея. Однако же уверенности, что эта запись непременно тверская, быть не может. Сам же Н. П. Лихачев разъясняет: «Что посланники Алексея побывали в Твери, это объясняется необходимостью противодействовать Роману там, где он имел сторонников. А для Романа во всей северной Руси только Тверь и могла быть оплотом».³⁶ Но если посольства из Царьграда от митрополитов были только в Тверь, то запись о них могла быть сделана не только в Твери. Заметим, что в той же вставке говорится, что тягость тогда «священскому чину... бьшет везде».

Примем во внимание и то, что перед нами серия вставок. Относительно первой, самой большой из этих тенденциозных записей (о «замятце» в Константинополе), мы точно знаем, что она не тверского происхождения, ибо она, помимо Рог., обнаруживается в Бел., свободной от влияния тверской летописи.³⁷

Именно в 1375 г. началось резкое расхождение церковной политики великого князя Дмитрия Ивановича Московского и константинопольской «вселенской» патриархии. В том году, т. е. еще при жизни митрополита Алексея, патриарх Филофей поставил в митрополиты всея Руси Киприана, чтобы он сначала управлял малорусско-литовской церковью, недоступной для Алексея, а после смерти престарелого митрополита наследовал и ее великорусскую часть. Великий же князь Дмитрий Иванович помышлял не об объединении, а о разделе митрополии (о выделении митрополии Великой Руси) и имел кандидата в митрополиты — своего духовника и печатника попа Митяя. Отныне князь в высшей степени был заинтересован в компрометации патриарха Филофея и в обоснованиях раздела митрополии по политическому принципу. Если в Москве в 1375—1376 гг. с ведома князя был создан летописный свод, то он должен был служить и этим целям.

Лицом же наиболее незаинтересованным в оправданиях раскола всероссийской митрополии и в компрометации патриархии, особенно патриарха Филофея, был, конечно, сам его ставленник, счастливый конкурент Митяя, митрополит Киприан. Прошедшая через его руки летопись, а летопись прошла в начале 90-х годов через его руки, не могла бы, разумеется, иметь добавок, о которых мы сейчас говорим. Стало быть, они докиприановские.

Статьи 6836 (1328) и 6876 (1368) гг. в Тр., Сим. и Рог. перекликаются друг с другом. Под 6836 (1328) г. говорится о сорокалетней тишине в русской земле после вокняжения «на великом княжении всея Руси» Ивана Даниловича Калиты, а под 6876

³⁵ Лихачев Н. П. Два митрополита. — В кн.: Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913, с. 5.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: ПСРЛ, т. XVII, стлб. 34.

(1368) г. находится объяснение этих сорока лет: «От Федоръчуковы до Олгердовы рати лѣтъ 41». В. Л. Комарович считает, что смысл этой переключки «в примирительном сопоставлении... тверской беды от Москвы с московской бедой от Твери».³⁸ Выводит он это из текста Тр. и Сим. Там говорится об участии Ивана Даниловича Московского в татарской карательной экспедиции, «Федорчуковой рати», на «Тферь, и Кашин, и прочия города и волости, и села, и все княжение Тферское» («и бысть тогда земли великая тягость и много томления...»). (Вот, кстати сказать, и пример того, что в московскую летопись могло попасть сообщение, в котором московский князь выглядел далеко не героем-заступником «всей Руси»). Но в Рог., где мы должны, казалось бы, ожидать именно тверскую, еще более резкую по отношению к Ивану Даниловичу версию рассказа об этих событиях, мы ничего подобного не обнаруживаем: там просто ни слова не говорится об участии Ивана Даниловича в разорении Твери и ее земель, а говорится лишь (это есть и в Тр.), что «Господь своею милостию заступил благовѣрнаго князя великаго Ивана Даниловича и его град Москву и всю его отчину от иноплеменник поганых татар». Т. е. в Рог. «примирительного сопоставления... тверской беды от Москвы с московской бедой от Твери» не получается. Да и к этому ли сопоставлению подводит читателя отмеченная переключка статей?

Образцом, отправной точкой для записи о сорокалетней великой тишине на Руси — «и бысть оттолѣ тишина велика на 40 лѣтъ, и престаша погани воевати Русскую землю и заклати христиан, и отдохнуша, и упочинуша христиане от великия истомы и многыя тягости и от насилия татарскаго, и бысть оттолѣ тишина велика по всей земли» — послужило, конечно, библейское сообщение о сорокалетней тишине в Израиле от набегов язычников при Гедеоне: «И бысть в покои земля чотыредесять лѣтъ во дни Гедеонова» (Книга судей, 8, 28). Летописная же статья 6876 (1368) г. сопоставляет не московскую и тверскую беды, а одних «поганых» и других, сопоставляет Литву и татар: «Се же зло сътворися за наши грѣхы, а преже того толь велико зло Москвѣ от Литвы не бывало в Руси, аще и от татар бывало (здесь, я думаю, надо поставить двоеточие, — Г. П.): от Федоръчуковы до Олгердовы рати лѣтъ 41». Переключка статей приравнивает литовцев татарам в качестве «поганых» разорителей Руси (независимо от того, Москва имеется в виду или Тверь), а если читатель узнавал библейский образец за сообщением о сорокалетнем перерыве между вторжениями «поганых», то и татары, и Литва уподоблялись для него, как и для автора записи, язычникам — врагам Израиля. Тут, я полагаю, проявляется совсем не Киприанова позиция по отношению к Литве: митрополит Киприан был политиком сближения Литвы и Руси для общей борьбы с тата-

³⁸ Комарович В. Л. Древнерусское областное летописание..., л. 255.

рами. Зато перекличка статей своим духом и смыслом полностью соответствует духу и смыслу московско-тверского договора 1375 г., приравнивающего Литву как врага Руси татарам, т. е. соответствует политическим установкам великого князя Дмитрия Ивановича.

Тем же самым договором 1375 г. тверской князь Михаил Александрович принужден был признать великое княжение Владимирское, на которое он только что претендовал, наследным достоянием московских князей. Это громадное по следствиям событие в тогдашнем общественном сознании. Великая Русь как этнополитическое целое и создавалась по мере распространения этого взгляда. Дмитрий Константинович Суздальский принужден был с ним согласиться на несколько лет раньше тверского князя. Нижегородские летописные записи — может быть, не дошедший до нас нижегородский летописец — тоже, очевидно, были влиты в московско-великорусский свод (многочисленные нижегородско-суздальские «избытки» Рог.). Судя по дате последней нижегородской добавки — 6883 (1375) г., это было сделано в том же 1375 г., когда произошла московско-тверская война. Допускаю, что именно захват тверской летописи послужил поводом для сбора по городам и своза в Москву летописей для создания отвечающего достигнутому политическому значению московского князя нового летописного свода.

Обращает на себя внимание настойчиво проведенная в Рог., Сим. и Тр. мысль о праве наследования князем Дмитрием Ивановичем великого княжения Владимирского. (Само это представление могло возникнуть под влиянием как византийских палеологовских, так и — более вероятно — традиционных татарских взглядов на наследование власти). В статье 6868 (1360) г. замечено по поводу вступления во Владимир Дмитрия Константиновича Суздальского: «а не по очинѣ, ни по дѣдинѣ»; под 6870 (1362) г. говорится, что Дмитрий Иванович получил ярлык на Владимир от царя Мурата «по отчинѣ и по дѣдинѣ», и еще раз подчеркивается: «сѣде на великом княжении на столѣ отца своего и дѣда и пра-дѣда»; и под 6871 (1363) г. в сообщении об изгнании Дмитрием Ивановичем из Владимира Дмитрия Константиновича говорится: «прогна его паки с великаго княжения с Володимеря с своею отчины в его град Суздаль». В общественном признании исключительных наследных прав московского князя — прав на Владимирское великое княжение — из русских князей мог быть заинтересован только сам московский князь.

Но далеко не все в прошлом годилось Дмитрию Ивановичу Московскому как подспорье в политической борьбе. Всероссийско-объединительские церковные традиции, восходящие еще к дотатарским временам, должны были казаться ему при тогдашнем положении дел — при разделе Руси между татарами, Польшей и Литвой — безнадежным анахронизмом. Он добивался выделения, самоопределения Великороссии в качестве признающей его

власть страны и ее самоопределения. Самоопределения не только в пространстве, но и во времени. Тогдашнее «настоящее», в котором Русь была подчинена татарам, начиналось в XIII в.; оно было еще реальностью, но уже с «розмирием», реальностью становилось и стремление сделать это «настоящее» прошлым. А «настоящее», в котором среди восточных русских земель главенствовала Москва, начиналось совсем недавно, в XIV в.; это «настоящее» князь хотел внедрить в будущее. Такое мощное средство этнической интеграции, как церковь, он думал подчинить этой же цели. «Подкняжеская» митрополия Великой Руси была бы для него удобней «надкняжеской» митрополии «всей Руси». В далекой «связи времен» были заинтересованы охранители традиционного единства митрополии, сторонники Киприана, противники князя в церковном вопросе. Им, радеющим о судьбах «вселенского» православия, могла служить опорой древняя русская летопись. Порвать совсем с всероссийским и всемирным прошлым, т. е. с летописанием дотатарских времен, настолько опередить свое время Дмитрий Иванович, конечно, был еще не в состоянии. Он еще должен был воспринимать свое московско-великорусское дело в средневековых глобальных масштабах — как один из актов мистерии между сотворением мира и его концом. Но свести запредельное для него (политика) прошлое к минимуму — сделать для начала своего летописца краткую выборку из древних хроник, лишь «пунктирно» связывающую основные вехи всемирной и русской истории с «настоящим», — было в его интересах и в психологических возможностях его времени. Ведь именно тогда дух национального самосознания коснулся Европы, причем не только католических стран, но и православных (Византия, Сербия, Болгария). Гуманистическое по своей природе, это дифференцирующее народы веяние обязательно так или иначе сталкивалось с «вселенско-интеграторскими» церковными течениями в общественной жизни (на Руси «наднациональное» церковное движение было представлено митрополитом Киприаном и его сторонниками-монахами во главе с Сергием Радонежским и Феодором Симоновским). Распределение масс, композиция, Рог. с его сокращенным выборочным началом кажется мне потому не только возможной, но даже естественной для московской «великорусской» летописи. Ведь именно краткая часть Рог. оказалась «узнаваемой» при нашем анализе отсылки Тр. к «Летописцу Великому Русскому». Необычное название летописца — «Великий Русский» (обычно просто «Русский» или «Летописец Русския земли») — и значит, вероятно, Великорусский.

Таким образом, все, что нам дала возможность понять отсылка Тр. и что нам показали состав и тенденции Рог. в части до 1375 г. и сами события 1375 г., и само название искомого летописца — все это ведет нас к мысли, что в 1375 г. в Москве по инициативе великого князя Дмитрия Ивановича (будущего

«Донского») было положено начало «Летописцу Великому Русскому» — первому великорусскому летописному своду, особенности которого под позднейшими напластованиями сохранил дошедший до нас Рогожский летописец первой половины XV в.

6. Общность текста Рог., Сим. и Тр. с 1376 по 1392 г. побуждает думать, что в это время летописание Великой Руси было централизовано в Москве (за исключением летописания Новгорода, Пскова), т. е. появление «Летописца Великого Русского» означало прекращение ряда иных местных летописаний. Влиянию митрополита Киприана, утвердившегося в Москве при великом князе Василии Дмитриевиче, можно, мне кажется, приписать децентрализацию великорусского летописания и восстановление местных, провинциальных летописей (расхождение после 6900 г. Тр. с Сим. и Рог.).

7. Тр., как мы знаем, не может являть собой «Летописец Великий Русский», потому что она отсылает к нему читателя. Но может ли Тр., более узкая, чем Рог., в изложении событий XIV в. и несравнимо более пространная в изложении дотатарской русской истории, являть собой более поздний, чем Рог., этап московского летописания?

В 1377 г., т. е. — если наши рассуждения верны — через два года после появления «Летописца Великого Русского», была создана Лаврентьевская летопись. На 72 года она не доводила рассказ до своего времени, обрываясь на 6813 (1305) г. Но сам факт ее появления был, я думаю, очень злободневен. И не менее остро, чем на ее версию Повести о Батыевом нашествии, современники должны были реагировать на гораздо более броскую ее особенность, заметную нам только при сопоставлении ее с «Летописцем Великим Русским», каким мы его теперь себе представляем. В одном — кратчайшая прерывистая выборка за XI—XII вв. и краткая за XIII—начало XIV в., в другой — центральнорусское летописание до начала XIV в. в полном объеме. Один доведен до настоящего времени и продолжает пополняться, другая определенно не рассчитана на продолжение. На что же она рассчитана? На заполнение пустоты, я думаю: в ответ на ощутимый разрыв с прошлым — восстановление прошлого в своих правах. Таким образом, мне кажется, что создание Лаврентьевской летописи можно рассматривать как реплику на создание «Летописца Великого Русского».

Киприан должен был отвергнуть «Летописец Великий Русский» Дмитрия Ивановича Донского, во-первых, из-за краткости его начальной части, во-вторых, из-за суммарного, сводновеликорусского характера его изложения за XIV в.: этим своим характером «Летописец Великий Русский» покушался, я думаю, на традиционную сводную общерусскую митрополичью летопись (предшественницу Софийской I), соединявшую выборки из местных летописцев. И Киприан не мог, конечно, допустить присутствия в летописи записей, компрометирующих его учителя и

наставника — патриарха Филофея, которому он обязан был своим званием: они компрометировали и его, Киприана. Однако эти записи не надо было отдельно вычищать, если отвергался целиком «Летописец Великий Русский» 1375 г., их содержащий.

Если это так, то Симеоновская летопись в части до 1375 г. есть результат «возвращения» московского летописания к децентрализованному состоянию — к состоянию до создания «Летописца Великого Русского». Это не означает, конечно, что из «Летописца Великого Русского» изымали кашинские, тверские, нижегородские и прочие записи. Для этого можно было просто взять прежнюю московскую летопись, еще не пополненную иноземным материалом. Разумеется, она могла и даже должна была подвергнуться при этом какой-то «киприановской» редактуре. На след руки редактора времен Василия Дмитриевича в части летописи до 1375 г. указал В. Л. Комарович, и мы это указание выше приводили — рассказ в статье 6882 (1374) г. об Афанасии Высотском, обнаруживающий знакомство автора с жизнью Афанасия спустя большое время после 1374 г. Именно этот след, вернее тот факт, что он находится не только в Сим., но и в Рог., — не противоречит ли он изложенному пониманию дела? Каким образом позднейшая запись могла бы попасть в отвергнутый свод?

Вспомним теперь, о чем мы говорили вначале: самый верхний «слой» текста Рог. относится к началу XV в. и связывается с г. Кашином, причем тамошний летописец был не только автором записей, но и сводчиком, использовавшим для выборок центрально-русскую, московскую летопись в современном для него, т. е. для начала XV в., состоянии. Бросается в глаза сходство кашинских записей в последней части Рог. и в части до 1375 г.:³⁹ величание князей просто по имени и отчеству, без указания «Кашинский». Это не означает, я думаю, что кашинские записи в части до 1375 г. были вставлены редактором XV в., по крайней мере все. Но в высшей степени вероятно, что этот редактор как-то, хотя бы слегка, коснулся и этой части текста летописца. Мы уже говорили о возможной принадлежности этому редактору «объективных» антимосковских записей. Не мог ли этот редактор перенести в свой свод, создаваемый на основе «Летописца Великого Русского», кое-что из позднейшей, современной ему центрально-русской летописи? В частности, похвалу боголюбю

³⁹ В промежутке между этими частями есть лишь одна связанная с Кашиным запись — под 6890 (1382) г. о смерти и похоронах Василия Михайловича Кашинского, причем странно указана дата: «за две недели по Велице дни, егда бывает неделя о мироносицах, месяца мая в 6 день...». Странность заключается в том, что в 1382 г. этот день был не 6 мая (пасха была 6 апреля). Пасха 22 апреля, соответствующая летописному указанию на 6 мая как на второе после нее воскресенье, была в ближайшее после 1382 г. время в 1386 г. Можно еще указать, что в 1413 г. (напоминаю, что Рог. оканчивается 1412 г.) пасха была 23 апреля, но тогда 6 мая оказывается понедельником.

Ивана Даниловича Калиты, основавшего в 1330 г. в Москве каменный Спасо-Преображенский собор и монастырь: как благородная отрасль «благаго корени» здесь упоминаются «дѣти его и внучата и *правнучата*», т. е. очевидно, что запись была сделана во времена великого князя Василия Дмитриевича. Оценить и постараться сохранить эту запись, как и запись об игумене Высоковского монастыря в Серпухове Афанасии, было бы естественно для монаха. Прежде, анализируя «избытки» Рог. в части до 1375 г., я уже приходил к заключению, «что автором кашинско-тверских записей был, вероятнее всего, монах из подкашинского монастыря, упомянутого в статье 6876 (1368) г.»⁴⁰ Не имеем ли мы теперь дело с результатами труда его продолжателя? А не свел ли кто-нибудь из них *весь* избыточный материал Рог. воедино? Я не исключаю совершенно такую возможность. Но и в этом случае фактом остается то, что в 1375 г. при великом князе Дмитрие Ивановиче летописаниям ряда русских провинциальных центров был нанесен тяжелый удар, от которого лишь некоторые из них кое-как постепенно оправились. Но я думаю, что такому оправившемуся провинциальному летописанию трудно было бы собрать воедино своевременно не собранный материал других провинциальных центров в состоянии на 1375 г. Кашинский летописец-сводчик должен был воспользоваться готовой сводкой. Эта, как мне представляется, московская сводка 1375 г. дошла до нас (в составе Рог.) в целом свободной от воздействия создателей «свода 1392 г.» и его московских продолжателей. Если ее и касалась рука позднейшего редактора, о чем мы только что говорили, то не московского, а кашинского, который, кстати сказать, мог не только внести туда, но и вычесть оттуда какой-то московский материал.

Что же наш анализ позволяет сказать более уверенно? Поскольку признаки «Летописца Великого Русского» связываются именно с сокращенной частью Рог., постольку полагаю вероятным, что «прошлое» в московской летописи было восстановлено в своих правах при митрополите Киприане — летопись была восполнена в части за X—начало XIV в. Какую-то роль в этом деле — в качестве примера, а в чем-то и источника — должна была сыграть Лаврентьевская летопись. Несомненно, что время митрополита Киприана было благоприятным для оживления местных летописаний; так, при поставленном им в Тверь епископе Арсении заметно активизировалось тверское летописание.

По Тр. видно, что новых фундаментальных перемен в московском летописании до смерти митрополита Киприана (1406 г.) и вскоре после нее сделано не было.

В заключение можно заметить, что митрополит Киприан, старавшийся удержать каждого из князей его обширной митропо-

⁴⁰ Прохоров Г. М. Избыточные материалы Рогожского летописца. с. 194.

лни в существующих пределах их власти и направить их объединенные его благословением силы против татар-мусульман, оказался не в силах ни остановить процесс деления Руси, выделения Великороссии во главе с Москвой, ни изменить по существу характер московского летописания, какой оно приобрело при Дмитрии Донском начиная с 1375 г., а именно великорусский в том смысле, в каком великорусским был мыслимый нами «Летописец Великий Русский». Неотъемлемой частью московской летописи стали и продолжали становиться записи о Твери, Капине, Нижнем Новгороде, Рязани и других городах. Местные летописания так и не смогли вовсе оправиться после нанесенного им удара, а Москва не пожелала расстаться с правом самой вести историю других великорусских городов.

В. Ф. АНДРЕЕВ

О ДАТИРОВКЕ НЕКОТОРЫХ ДВИНСКИХ ГРАМОТ

Датировка двинских актов периода новгородской самостоятельности является чрезвычайно трудной задачей. Трудность ее обусловлена почти полным отсутствием дат в текстах грамот, а также тем, что в этих актах редки упоминания лиц, известных по другим источникам (летописям, твердо датируемым грамотам).

Применяемая ныне датировка большинства двинских актов осуществлена А. А. Шахматовым в его известном «Исследовании о двинских грамотах XV в.»,¹ она безоговорочно принята издателями «Грамот Великого Новгорода и Пскова»,² а также использована с некоторыми изменениями и уточнениями В. Л. Яниным в качестве основы для датировки печатей двинских наместников новгородского архиепископа и двинских посадников, которыми скреплены грамоты.³

Всего в настоящее время известно 157 двинских актов. Все они опубликованы в ГВНП в разделе «Частные грамоты Великого Новгорода. Двина», за исключением одного (№ 92), который ошибочно, по справедливому замечанию В. Л. Янина, внесен в раздел «Грамоты внутреннего управления Новгорода».⁴

Эти 157 грамот делятся на 7 групп со следующими датами: 1) конец XIV—начало XV в. — 5 грамот; 2) начало XV в. — 4 грамоты; 3) первая четверть XV в. — 11 грамот; 4) не ранее первой четверти XV в. — 3 грамоты; 5) середина XV в. — 72 гра-

¹ Шахматов А. А. Исследование о двинских грамотах XV в., ч. I и II. СПб., 1903.

² Грамоты Великого Новгорода и Пскова. Под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949 (далее — ГВНП).

³ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси X—XV вв., т. II. М., 1970, с. 67—83.

⁴ Там же, с. 116.